
«КРотовые норы» романа «Фантомный бес»: Глобальный отсвет

Черкасов-Корнющенко Д. И.*

В статье анализируются исторические, научные и философские мотивы ряда последних произведений философа и писателя А. В. Кацуры, но прежде всего истоки и смысл весьма объемного его романа 2020 г. «Фантомный бес». Автор статьи пытается показать, как многочисленные линии и ручейки романного повествования сплетаются в невероятную сеть, где извилистые каналы между локальными событиями, ранее мало кем замеченные (своеобразные «кротовые норы»), создают резонанс поистине глобального характера. Физики и лирики ушедшего века в наступлении века глобализации сыграли роль еще не в полной мере оцененную и, по сути, мало исследованную.

Ключевые слова: война, революция, глобальные проблемы, «кротовые норы», поэтическое пророчество, атомное оружие, бесы, трикстер, нарциссизм.

The article analyzes the historical, scientific and philosophical motives of a number of recent works of the philosopher and writer Alexander V. Katsura, but first of all the origins and meaning of his very voluminous novel “The Phantom devil” published in 2020. The author of article tries to show how numerous lines and streams of the novel’s narrative are intertwined in an incredible network, where winding channels between local events, previously little noticed by anyone (a kind of “wormholes”) create a truly global resonance. Physicists and lyricists of the past century in the coming age of globalization played a role not fully appreciated yet and, in fact, little studied.

Keywords: war, revolution, global problems, “wormholes”, poetic insight, atomic weapons, demons, trickster, narcissism.

В 2008 г. автор этой статьи закончил рецензию на роман Александра Кацуры «Наброски к теории чудес» [Кацура 2007] таким вопросом: «И если это только “наброски”, то какой же может быть собственно “теория чудес”? И будет ли теория чуда мифически целесообразным методом интерпретации?» [Черкасов-Корнющенко 2008: 143].

В 2018 г. в приложении «Размышления по поводу работы Александра Кацуры “Полет над бездной. Глубина человеческого «Я», русское мессианство и американская демократия”» мне довелось сравнить эту книгу с полотном Эдварда Мунка «Крик»: «Если хотите, мы должны спросить себя: “Крик” автора эссе останется таким же безответным? Или людям, населяющим нашу планету, пора присоеди-

* Черкасов-Корнющенко Дмитрий Ильич – действительный член Академии творческой педагогики. E-mail: tat.cornushenko@yandex.ru.

ниться к крикам вот таких одиночек, если они хотят сохранить самое жизнь?» [Черкасов-Корнющенко 2018].

В 2020 г. настало время ответа на эти вопросы: из печати вышла завершающая часть трилогии А. Кацуры – роман «Фантомный бес: Музы и бомбы (роман-предупреждение)». Я подчеркиваю: трилогии, так как эти три произведения гомогенны. Новый роман – уже не наброски к «теории чудес», а непосредственно сама «теория чудес», поскольку за прошедшие два столетия не было большего чуда, чем освоение нового могучего и страшного вида энергии, изначально невероятно и неожиданного по своим результатам, каковым оказалась атомная энергия. Связавшись с ядром атома, человечество обрело себя на взывающий (к кому?) непрерывный крик, и этому крику скоро исполнится 100 лет.

Мастер интеллектуальной интеграции Александр Кацура освещает эту теорию чудес фантастической по объему энциклопедической информацией о недавно завершившемся XX веке – во всей его трагичности и нелепости, во всех его великих свершениях и во всех его не менее великих безобразиях. Та энергия, о рождении которой рассказывает автор, имманентно передается изобразительно-художественному литературному напряжению, не отпускающему читателя до последних страниц книги.

Новое чудовище Франкенштейна уже грезилось русским поэтам начала XX в. Серебряный век был не только «серебряным», он был еще и пророческим. Откуда выражение «фантомный бес»? Из поэмы Андрея Белого «Первое свидание»: «Сплетаюсь в вязи аллегорий: Фантомный бес, атомный вес...». На первую страницу романа вынесен символ и его название: «Музы и бомбы». Очень похоже на символ Фридриха Ницше: лук и лира. Это не простая констатация содержания, в котором много и того и другого. Смысл символа все-таки глубже. Философ-эволюционист Герберт Спенсер так мог бы объяснить неожиданное соединение: «Общепринятое мнение, будто наука и поэзия две противоположности, – большое заблуждение. Люди, посвятившие себя ученым изысканиям, постоянно нам доказывают, что они не только так же, как и другие люди, но даже гораздо живее их воспринимают поэзию изучаемых ими предметов». Порою бывает так, что поэзия объясняет мир лучше, чем наука. Иной раз в нескольких поэтических строках прячется больше смысла о «предмете»: о жизни, об эпохе они скажут нам больше, чем многостраничные ученые трактаты [Спенсер 1921].

Приступая к анализу романа, скажу несколько слов о творческом методе писателя и поэта Александра Васильевича Кацуры, характерном для его творчества в целом. Этот метод (сближение, соединение отдаленных и, казалось бы, мало связанных предметов и явлений) проявил себя и в других, в том числе вышеупомянутых произведениях, но в «Фантомном бесе» – особенно плодотворно, с наибольшей силой воздействия на умудренного читателя. Этот метод в том или ином виде можно найти и у других авторов. Скажем, он характерен для выдающегося английского романиста и публициста Джона Фаулза, так и назвавшего один из своих сборников – «Кротовые норы» [Фаулз 2003]. Если хотите, «Фантомный бес» предельно пронизан «кротовыми норами», но при этом заметно сильнее, нежели книга английского романиста. «Кротовые норы» позволяют автору «Беса» находить невероятные совпадения самых различных событий, отделенных друг от

друга множеством лет, делать неожиданные сближения, позволяют увидеть следствия совершенно невероятных причин, порождают в творчестве неожиданные ассоциации. Весь текст романа – это огромный подземный лабиринт ветвистых дорожек, соединяющих, казалось бы, несоединимое: те же музы и бомбы. Опытному читателю достаточно просмотреть несколько страниц оглавления книги, чтобы по названию глав понять, по каким «кротовым норам» ему предстоит продвигаться, где согнувшись, а где – извиваясь, как змея. Автора можно уподобить античному герою Трофонию, прорицателю, делавшему тайные ходы-лазы в Лебодийской пещере и в Дельфийском храме, чьи оракулы погружали узнававших свою судьбу в состояние ужаса. Вот так же и автор романа не намерен скрывать от непосвященных то сокровенное, что открылось ему. Ведь роман неспроста имеет второй подзаголовок – «предупреждение». Антивоенный, антимилитаристский текст вызывающе парадоксально разделен на две части: «Война первая», 1903–1939 гг., и «Война вторая», 1939–2020 гг. (вроде бы еще не оконченная?!). В каком-то смысле это опять «Крик», как и «Полет над бездной», но крик не о будущем, а о прошлом, породившем наше сегодняшнее. Ибо и после всех чудес и ужасов ушедшего века мы слышим сегодня комично-воинственные, параноидальные рассуждения российского президента о том, что можно и не остановиться перед применением ядерного оружия, если возникнет угроза интересам России. Вернее, тому, что этот человек понимает под интересами России. А с экрана телевизора обезумевший от восторга и любви к власти и от безнаказанности пропагандист-холуй грозит миру: мы превратим вас в радиоактивный пепел! Как совсем недавно выяснилось, президент еще долго намерен путать свои личные интересы и интересы вверенного ему народом государства. Мелкий бес грозит миру освобождением фантомного беса.

Роман являет собой новый тип литературного синкретизма. Возможно, в том, чтобы показать, как причудливо могут переплетаться события и жизни многочисленных героев и персонажей романа на протяжении XX в., и заключалась сверхзадача автора. Наиболее замысловато судьбы людей связываются в «Войне первой». Через десяток-другой прочитанных страниц понимаешь: это увлекательно, это поглощает. Читателю представлены два мира, две цивилизации – Востока и Запада. Восток в данном случае – это Россия. Исходя из межполушарной асимметрии, тип мышления Востока – правополушарный: интуитивный, чувственный, конкретный, метафорический; ему свойственно мифологическое сознание. Мышление Востока образно, преимущественно иррационально. Это порождает крайности: высокий интеллект немногих и масса людей – «небокоптителей». Востоку свойственны авторитарный и тоталитарный политические режимы. Грустную оценку подобным традициям дал выдающийся русский историк В. О. Ключевский, утверждавший, что в России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей; гении ничего не могут сделать, потому что не имеют подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что у них нет мастеров; первые бесполезны, потому что их слишком мало; вторые беспомощны, потому что их слишком много [Ключевский 2001].

Тип мышления западного мира Европы и Северной Америки левополушарный: рассудочный, интеллектуальный, аналитический, рациональный, историче-

ский. Мышление Запада технократично. Это «фаустовский» (по определению Освальда Шпенглера) человек, желающий максимально точного познания. Это писатели-фантасты с раскованной мыслью, это гениальные ученые, теоретики и эмпирики, пришедшие в итоге к созданию «фантомного беса». Господствующим режимом уже достаточный срок здесь выступает демократический, но неожиданно он способен превратиться в авторитарный и даже тоталитарный. Однако вместе с кризисными явлениями, как правило, растут средства преодоления кризиса. В научном мире существуют свои проблемы. Выдающийся немецкий психолог Эрих Фромм некогда заметил, что для ученого, прожившего жизнь, веруя в могущество человеческого разума, история (создания мира) кончается кошмаром: он поднимается над невежеством, он достиг почти вершины; и вот на этой вершине, сделав последнее усилие, подтянувшись к пику... он сталкивается лицом к лицу с теологами, бывшими здесь столетиями [Фромм 2010].

Россия с ее поэтами-мистиками, с их смутными пророчествами и гениальными озарениями, с мессианскими предсказаниями, с их поисками Христа и ожиданиями Антихриста, казалось бы, вот-вот найдет и укажет другим народам свой, непохожий на другие, особый путь. Но итогом этих поисков оказалось всего лишь долгое царство Большого Беса. «Царствию его не будет конца...» В романе происходит самопознание двадцатого века: в непрерывном диалоге Востока и Запада, между Серебряным веком и научной революцией, между демократией и тоталитаризмом, между нацизмом, фашизмом и коммунизмом. Эти контакты искрят.

Между двумя мирами-цивилизациями проходит долгая жизнь трех женщин. Три русских амазонки, три авантюристки, способные совершить то, на что не способны мужчины, посылающие их на верную гибель. Эти женщины, родившиеся и выросшие в Российской империи, разыгрывают несколько ролей. Прежде всего, они модераторы, бинарные операторы между Востоком и Западом в историческом времени и пространстве. В скандинавской мифологии существует образ мира в виде исполинского ясеня. Это Иггдрасиль, Мировое Древо. На вершине Иггдрасиля восседает орел, у его корней гнездится дракон. Вверх и вниз по Древу снуют проворная белка Рататоск: ее задача состоит в том, чтобы передавать перебранку между орлом и драконом, которая длится бесконечно. Роль белки – бинарного оператора – в романе играют три прекрасные дамы: они в непрерывном движении между двумя мирами.

Феномену русских женщин, обвораживающих европейских мужчин, автор посвятил немало страниц. Три героини – красавицы и умницы – прекрасно демонстрируют свое амплуа обольстительниц. Но следует сказать, что Мария, Елизавета, Маргарита нужны в романе не только для этой роли, с которой легко бы справилась любая другая заурядная красотка. Дело в том, что образованный читатель худо-бедно знаком с большинством событий, фактов, лиц, идей, представленных на страницах «Фантомного беса». Но соединить весь этот конгломерат в увлекательное повествование помогают именно эти три амазонки, их будто сама судьба предназначила для ролей романтических героинь авантюрно-интеллектуального эпоса. Своими женскими поясками-кушачками они стягивают весь каркас романа, как обручем, без которого такая огромная конструкция могла бы и не уцелеть. Не случайно их жизнь проходит в окружении великих и выдающихся

мужчин. Рядом с ними мы видим Г. Уэллса, Б. Локкарта, М. Горького, В. Ходасевича, Я. Блюмкина, Ф. Шаляпина, А. Блока, С. Коненкова, А. Эйнштейна... Каждой из героинь в романе выпадает свой «звездный час» в истории XX в.

Баронесса Мария Игнатьевна Закревская-Бенкендорф-Будберг могла бы сказать о себе словами А. Ахматовой: чужих мужей веселая подруга и многих неутешная вдова. После многочисленных приключений, еле-еле уцелевшая в Советской России, Мура Будберг живет в Лондоне. Она – подруга Герберта Уэллса, по убеждениям фабианского социалиста, сочувствующего Советам. В 1914 г. знаменитый писатель создал два романа: «Освобожденный мир», посвященный военному и мирному использованию атомной энергии, краху буржуазной цивилизации в результате войны, и послевоенному новому всемирному государству на коллективных началах. Название другого романа говорит само за себя: «Война, которая покончит с войнами».

1936 год. В Москве умирает М. Горький, чьей многолетней секретаршей, и не только ею, была Мура Закревская-Будберг. Своей музе Горький посвятил главный свой роман «Жизнь Клина Самгина». В аллее Гринвич-парка Мура встречается с посланцем из Москвы. Происходит сцена встречи и разговора, удивительно напоминающая беседу Маргариты и Азазелло в романе М. Булгакова. Только вместо Воланда, приглашающего на бал, фигура пострашнее – Иосиф Сталин, приглашающий даму к одру умирающего пролетарского писателя. Вместо сожженной рукописи романа Мастера – чемодан с архивом и перепиской Горького, который он категорически запретил кому-либо отдавать. Баронесса может проститься с умирающим другом, но при условии передачи чемодана в руки ЦК ВКП(б). Под угрозой расправы с нею Мура выполняет эти условия. Прощается с Горьким и дарит ему красно-розовую бонбоньерку с шоколадными конфетами. По бытующей в интеллигентском фольклоре легенде конфеты были отравлены и ускорили смерть А. М. Горького. Автор не утверждает эту легенду, но некоторый контекст в диалогах Муры со Сталиным и Горьким позволяет думать, что эти конфеты вроде бы избавили писателя от долгой смертельной агонии. А с другой стороны... Вот последняя беседа Муры Будберг и Горького:

«– Алексей, давай смотреть правде в глаза. Тридцать лет, если не больше, ты служил дьяволу. Всем этим бесам... Книгами своими. Даже делами. Не спрашиваю, зачем ты это делал. Еще в пятом году эти бесы лепили в твоей квартире дидактичные шашки... Ты не знал? (...)

– А сейчас что? – тихо сказала Мура. – ЦК решил, что ты должен выздороветь. Навсегда. А против решения ЦК бессильна даже я. Так что выбора у нас с тобой нету».

Чемодан с архивом и письмами адресатов Горького был передан в руки Сталина. Дело было как раз накануне Большого террора. Для многих и многих известных деятелей партии, государства, культуры письма-улики обернулись смертными приговорами. Кому же служила «железная женщина»?

Вторая героиня романа, Эстер Юльевна Розенцвейг, обучалась в европейских университетах, где усилился ее интерес к левым идеям, тяготение к которым она ощущала еще со школьных лет. Она взяла себе новое имя – Елизавета Юльевна, Лиза. Вернувшись в Советскую Россию, она угодила в разведшколу (как и еще

одна русская амазонка – Вера Гучкова). Повлияло на будущую карьеру разведчицы отменное знание нескольких европейских языков. В школе она стала Горской, потом ее выдали замуж за разведчика Василия Зарубина. Во Франции она станет Марианной Кочек, в Германии супруги будут носить фамилию Вардо. Под фамилией Зубилина Лиза побывает в 1936 г. в Соединенных Штатах Америки, где устроит знакомство профессора Принстонского университета Альберта Эйнштейна с женой скульптора Коненкова Маргаритой, тоже советской шпионкой (третья героиня). Лизе пришлось несладко в годы ежовщины, но в апреле 1941 г. супруги Зарубины под видом дипломатической семьи снова окажутся в США, и теперь уже Маргарита на выставке работ мужа познакомит Лизу Зарубину с Робертом Оппенгеймером, будущим руководителем атомного проекта, и с его женой Кэтрин. От Оппенгеймера дорожка пролегла к Клаусу Фуксу, еще одному симпатизанту левых идей, работавшему на советскую разведку прямо в Лос-Аламосе. Из его рук Лиза Зарубина получит пачку документов – «полную программу атомной бомбы».

С этим грузом шпионка Лиза отправляется на вокзал в столице штата Нью-Мексико Санта-Фе. В ее руках небольшой чемодан, дамская сумочка, а на плече висит ридикюль, в котором и лежат бесценные документы. На перроне она видит у вагонов не только проводников, но и военных полицейских, тщательно обыскивающих пассажиров и их багаж. Красивая стройная женщина действует нестандартно. Она мгновенно преобразилась в растерянную глуповатую дамочку, которая никак не может вспомнить, куда она дела свой билет на поезд. Чемодан она поставила на перрон и стала лихорадочно рыться в сумочке, но ей мешал проклятый ридикюль. Якобы бессознательным движением Лиза повесила его на плечо проводнику и наконец-то «нашла» свой билет. Ее попросили открыть чемодан, в котором, кроме дамского белья, ничего не было. Она прошла в купе. Поезд тронулся. Минуты через три проводник принес ей, «забывчивой пассажирке», ее ридикюль, за содержание которого можно было получить несколько казней на электрическом стуле. «Через четыре дня толстая пачка бумаг оказалась в советском посольстве в Вашингтоне. А еще через два дня дипломатической почтой ушла в Москву». Кому же служила «разведчица» Лиза Зарубина?

Маргарита Ивановна Воронцова, успевшая побывать любовницей А. Блока, Ф. Шаляпина, С. Рахманинова, но ставшая в итоге женой великого скульптора Сергея Тимофеевича Коненкова, в 1923 г. прибыла вместе с мужем в Северо-Американские Соединенные Штаты. В Америке, кроме успешного устройства выставок работ своего мужа, Маргарита занимается шпионажем и, по совместительству, становится возлюбленной Эйнштейна, так как очень заинтересовалась теорией относительности и ядерной физикой. У великого физика не было секретов от очаровательной в своем любопытстве милой Марго. Знакомство их случилось в те дни, когда скульптор работал над бронзовым бюстом Эйнштейна.

Звездный час Марго, в отличие от других амазонок, выписан автором настоящему человечным. Сталин потребовал от супругов Коненковых возвращения в СССР. 1945 год. Марго прощается с Эйнштейном и признается в том, что она русская разведчица, шпионка: «Я работаю не только на свою великую страну, но и на великую идею». Она имеет в виду идею всемирного братства (коммуниз-

ма), по идеальному замыслу – глобальную. Великий физик отвечает ей, что догадывался о ее «работе», но не осуждает ее, добавляя при этом: «В конце концов, наши страны – союзники». Влюбленные будут долго обмениваться письмами. Из груды писем Эйнштейна случайно сохранилось лишь несколько. Некоторые в романе приводятся.

Кому же в итоге служила столь замечательная модель скульптора Коненкова?

Ответ найти нетрудно. Служили эти русские женщины, кто-то больше, кто-то меньше, не России – ее давно уже не было, не великой идее, она была исковеркана, остался лишь идеологический суррогат. Служили не столько фантомному бесу, сколько самому дьяволу, Большому Бесу – Иосифу Сталину. Их роль бинарных операторов, то есть посредниц между Востоком и Западом, между адом и раем оказалась постепенно вытеснена другой ролью. Какой же?

Практически во всех системных мифологиях, в народных многообразных сказаниях, в литературных эпосах существует отрицательный вариант культурного героя, которого он пародирует и которому посылит подражает. Его нарицательное название – трикстер. Это демонически-комический дублер, наделенный чертами плута-озорника. Таков в греческой мифологии глуповатый брат Прометея Эпиметей: боги отдали ему на хранение сосуд со всеми болезнями и несчастьями, а затем создали и подарили ему любопытную красавицу Пандору (что было после, хорошо известно); таков бог Гермес со своими проделками. В скандинавской «Старшей Эдде» таков бог Локи, божественный шут. Таковы немецко-фламандский Тиль Уленшпигель и французский Панург. Таков Васька Буслаев новгородских былин. Озорные проделки трикстера большей частью служат удовлетворению его прожорливости или похоти. Нарушения табу и профанирование святынь иногда носит характер «незаинтересованного» озорства (по-современному: «ради спортивного интереса»). Действуя асоциально и профанируя святыни, трикстер тем не менее большей частью торжествует над своими жертвами, но бывает, терпит серьезные неудачи (см. работы К. Г. Юнга, К. Леви-Стросса, М. Бахтина, С. Токарева, Е. Мелетинского).

Милые русские женщины Мария, Лиза, Маргарита постоянно прибегают к обману, лгут на каждом шагу, нарушают самые строгие табу, направо и налево предают своих близких и друзей, нарушают нормы обычного права и обыденной морали. Каков итог их походов и приключений?

В романе Мура Будберг кончает самоубийством, испытав перед смертью ужас от совершенных ею предательств.

Случайно встретившиеся на выставке Сергея Коненкова Лиза и Маргарита признаются, что в прошлом были большими дурами. Маргарита умирает в состоянии старческого маразма, всеми забытая.

Елизавета еще успевает полюбоваться по телевизору на Михаила Горбачева. Вспоминает стихи, которые когда-то читал ей Яков Блюмкин, погубленный ее доносом. Бредя в магазин за скромным набором продуктов, она погибает под колесами автобуса.

Наверное, А. Кацура – единственный, кто вспомнил и рассказал о жизни этих двух незаурядных женщин.

В лабиринте «кротовых нор» «Фантомного беса» есть три магистральных хода. Первый из них – любовно-авантюрный, о чем уже кое-что было сказано. Вторым ход научный – о фантастически-сложном мире ядерной физики. Эти страницы написаны так увлекательно, что я вспомнил книгу популяризатора науки Даниила Данина «Неизбежность странного мира», трижды издававшуюся в первой половине 60-х гг. Ее захлеб читали и «физики» и «лирики», и своими весьма скромными познаниями в этой сфере я обязан именно Данину. Поэтому я надеюсь, что об этом магистральном ходе романа скажет свое слово по-настоящему компетентный критик. Однако свою долю познаний в комментарии к роману я все-таки внесу. Среди многих персональных биографических линий заметна линия, связанная с жизнью и деятельностью Владимира Ивановича Вернадского, выдающегося ученого-энциклопедиста, по размаху научной деятельности не уступающего М. В. Ломоносову. Между двумя гениями науки многие видели перекличку двух голосов, разделенных полуторавековым пространством. Вернадского за его научные достижения в описании развития биосферы и за понимание планетарной роли человека смело можно назвать одним из первых подлинных глобалистов ушедшего века.

На страницах романа ученый-геолог появляется в 1910 г. – в Институте радия Марии Кюри. К этому времени В. И. Вернадский, помимо глубокого интереса к биосфере, на нынешнем этапе развития которой научная мысль становится, по его мнению, решающим фактором, был уже активным политиком, с 1903 г. членом «Союза освобождения», а в октябре 1905 г. на первом съезде был избран членом ЦК Конституционно-демократической партии народной свободы, более известной как партия кадетов, которая была оплотом либеральной оппозиции в Российской империи. С 1906 по 1917 г. Вернадский является членом Государственного совета, выбранный в этот высший орган власти от университетов и Академии наук (вы представляете академика Юрия Пивоварова или доктора исторических наук Андрея Зубова избранными в Совет Федерации?). В 1912 г. Владимир Иванович был избран ординарным академиком по минералогии. В июле-ноябре 1917 г. он занимает должность товарища министра народного просвещения в правительстве А. Ф. Керенского. 28 ноября советское правительство издало декрет, объявивший кадетов «партией врагов народа», а членов руководящих учреждений партии – подлежащих аресту и суду революционного трибунала. В итоге в Советской России ученый оказался вне закона. Оказавшись в Киеве, он участвует в основании Украинской академии наук и избирается ее президентом (при полной поддержке «ставленника немецких оккупантов» гетмана Украины П. П. Скоропадского). В эти дни он официально выходит из партии кадетов, чтобы его, этнического украинца, не считали «москалем». В 1920 г. в Киев приходит Красная армия. Ученый перебирается в Крым. Он получает из Англии приглашение на научную работу, но в октябре 1920 г. его избирают ректором Таврического университета в Симферополе. Университет основан в 1918 г., ему покровительствует Верховный Правитель Юга России барон П. Н. Врангель, «черный барон, послушный пес Антанты». Сын ученого Георгий Вернадский, профессор-историк, будущий белый эмигрант, евразиец, станет по рекомендации Петра Струве главой отдела печати Крымского правительства. В январе 1921 г. семья Вернадских отправляет-

ся санитарным поездом из Симферополя в Москву (кроме сына Георгия, ушедшего в эмиграцию), а затем в Петроград. Удостоверение на выезд было подписано наркомом здравоохранения Н. Семашко. Но уже в июле того же 1921 г. Вернадского арестовывает ЧК. «Почему? Зачем?», – словно бы задается вопросом автор романа. Ответ на поверхности. Раньше у чекистов просто руки не дотягивались до бывшего видного кадета (как раз в эти дни они спешно сооружали провокационное дело Таганцева, профессора-географа, якобы готовившего заговор интеллигенции против большевиков. Именно по этому делу среди сотен других интеллигентов будет расстрелян поэт Николай Гумилев). Вернадского из расстрельного подвала вытащил тот же Семашко, помчавшийся с ходатайством о спасении ученого (уже тогда с мировым именем) к Ленину и Дзержинскому. Те милостиво пошли навстречу. Знали бы эти люди, о чем позднее будет писать Вернадский в своем потаенном дневнике о советской власти, о коммунистической партии и ее вождах! Ему бы сразу же настал конец за такую, например, мысль: уровень среднего члена ВКП(б) значительно ниже среднего уровня гражданина советского общества, а уровень высших партийных руководителей – ниже уровня среднего партийца.

В романе спрятан намек на удивительную цепь событий, приведших к рождению концепции ноосферы. Выпущенный из подвалов ЧК ученый заявил, что он не может дышать, и попросился на время за границу. Чувствуя свою вину, власти отказать не решились и пошли на немислимый по тому времени шаг – выписали «буржуазному ученому» научную командировку в Париж. В Сорбонне Вернадского встретили с восторгом и попросили прочитать курс лекций об эволюции биосферы. Он охотно согласился и в сезон 1922–1923 гг. прочитал курс, который, затаив дыхание, слушала научная общественность французской столицы. Владимир Иванович с увлечением рассказывал о том, что биосфера входит в новый исторический этап, когда на планете в беспрецедентных масштабах начинает господствовать человеческий разум, а сам человек становится геологической силой. Среди слушателей оказались два ученых, которых глубоко тронули идеи русского геолога-космиста – палеонтолог, религиозный мыслитель Пьер Тейяр де Шарден и философ-математик, последователь Бергсона, Эдуард Леруа. В последующие годы эти двое продолжали размышлять в данном направлении, и в 1927 г. Леруа предложил новый термин – ноосфера (в том примерно смысле, что планета, окруженная сферой жизни, ныне все более окружает себя сферой мысли). Об этом новом словечке Вернадский узнал уже в Москве (из частной переписки) и с удовольствием его принял. А к концу жизни (в 1944 г.) написал небольшую, но очень емкую статью «Несколько слов о ноосфере». Уже в послевоенные годы Тейяр де Шарден собрал значительную часть этих идей в единой книге «Феномен человека», получившей всемирную славу. Один из ближайших выводов из этой истории звучит парадоксально и с горькой почти насмешкой: не посади чекисты Вернадского в застенки, не было бы последующей командировки во Францию и, возможно, не появилась бы на свет теория ноосферы.

«Война вторая» (1939–2020 гг.) – это время жизни поколения, к которому принадлежат и автор романа А. Кацура, и я, автор этой статьи, и, думаю, большинство читателей «Фантомного беса». Эту вторую часть продолжает пронизы-

вать третий, пожалуй, главный магистральный ход – ход истории (уже отчетливо в глобальном измерении). Здесь в художественной, метафорической форме затронуты многие из тех глобальных проблем, которые были системно изложены в научной монографии, вышедшей несколькими годами раньше (Кацура и др. 2015).

С некоторым злорадным восхищением, но и с чувством озабоченности за автора я читал исторические страницы романа и пытался представить, как бы могли на них реагировать «просвещенные консерваторы» (или «системные либералы») из окружения президента, зачумленные коммунисты-сталинисты, зоологические патриоты с пещерной идеологией, параноидальные борцы с «фальсификациями и искажениями исторической правды» из Военно-исторического общества, «охранители истории» из НОДа и прочие охотнорядцы. Увы! Русская история пронизана духом национального нарциссизма, духом самовлюбленности и превосходства над всем остальным миром. Когда-то об этом губительном для русского народа феномене замечательно говорил уже упоминавшийся историк В. О. Ключевский в части третьей «Курса русской истории». На примере Смутного времени Ключевский показал, к каким последствиям приводит нацию или народ слепой нарциссизм. На Руси его источником было православное общество церкви, наполнившее к началу XVII в. религиозной самоуверенностью и мирское население, и верховную власть. Основным мотивом этой самоуверенности была мысль, что только православная Русь, «третий Рим», осталась единственной обладательницей и хранительницей христианской истины, что другого «чистого» православия, кроме русского, нет и не будет. На месте вселенского сознания мерилом христианской истины стала национальная церковная старина: дедовское и отцовское предание. Эта косность наложила отпечаток на всю русскую культуру. Вот это-то бред национального самомнения будет сопровождать историю России на протяжении веков, порою непостижимым образом сочетаясь с преклонением перед иностранными нововведениями и самоунижением вообще перед всем иноземным.

В XX в. уже советский нарциссизм отрекся от канонической религии и принял форму коммунистической сверхполноценности, презирающей неполноценный буржуазный мир. К исходу века результаты оказались архиплачевными, весьма похожими на Смутное время. Национальный менталитет поразил комплекс неполноценности, развился массовый депрессивный синдром, охватила жажда не очищения, но реванша. И в полном соответствии с постулатами социальной психологии Синдром социальной исключительности, вступив в самоотрицающую стадию Социальной неполноценности, преодолел ее и диалектически превратился в нечто невиданное: в Комплекс Социальной Сверхнеполноценности. Рефлекс национального самосохранения подсказал единственный выход из депрессивного состояния: заявить, что мы – лучше всех, потому что мы – хуже всех. Ибо таких, как мы, нигде больше нет. Довольно частое детское инфантильное самоутверждение. Как раз им оказался в полной мере наделен пришедшийся ко двору новый «национальный лидер». Ныне российский нарциссизм-путинизм стал болезненно-обидчивым, оскорбленно-агрессивным, он поражен новым комплексом «Страдающего Нарцисса». Эта злокачественная патология не обещает России ничего, кроме новых обид и новых мучений.

Через весь роман проходит история Фатимского чуда – с 1917 по 2017 г. Увы, нет России помощи от Богоматери! Много лет назад что-то очень похожее сказал про нас сегодняшних умнейший человек России, признанный императором Николаем Первым сумасшедшим. Может ли народ, спрашивал Петр Чаадаев, раз осознавший, что он в течение века шел по ложному пути, в один прекрасный день простым актом сознательной воли вернуться по пройденному следу, начать развитие сызнова, воссоединить порванную нить своей жизни? «Басманный философ», как называли Чаадаева, в середине позапрошлого века обрисовал историческую ситуацию, как две капли воды похожую на сегодняшнюю российскую действительность. Но никакого ответа на вызов философа Россия дать не может.

На исторических рубежах романа мы видим Первую русскую революцию и Русско-японскую войну, Первую мировую войну, Февральскую революцию и Октябрьский переворот, Ленина, Троцкого, Сталина, гражданскую войну и ее последствия, начавшуюся советскую экспансию на Запад и на Восток, преддверие Второй мировой войны и неблагоприятную роль Сталина и Советского Союза в ее развязывании, довоенные и послевоенные репрессии, государственный антисемитизм и его жертв, Хрущева и оттепель, Карибский кризис, воцарение Брежнева и «застой», начало перестройки и Горбачев...

Несколько глав о последних днях Иосифа Сталина потрясают своей изобразительной мощью. Автор виртуозно владеет техникой литературного сюрреализма: описание предсмертных кошмаров вождя народов напоминает чудовищные образы с полотен И. Босха и П. Брейгеля. На недавней выставке Сальвадора Дали в Манеже, стоя перед его холстами и графикой, я невольно вспоминал главы романа «Поэт Джугашвили в творческом экстазе», «Приходят ли к убийце убитые?» и «Свободные люди не думают о смерти». Особенно близки этим главам иллюстрации к «Божественной комедии» Данте (часть первая, «Ад»). Что ж, других видений умирающий людоед не заслужил.

В середине первой части романа есть многозначительный эпизод. Лео Силард, один из выдающихся зарубежных физиков-атомщиков (если не самый выдающийся!), предлагает полусерьезно составить открытый заговор умных и честных людей. Его с любопытством слушают Герберт Уэллс и Мура Будберг. Заговорщики могли бы назвать себя «Союзом умных за справедливость». Для начала бы хватило шести-семи участников. В их числе Силард прежде всего видит А. Эйнштейна и З. Фрейда. Ну а в итоге в заговоре должны объединиться сто умнейших людей планеты, готовых мыслить и действовать согласно. Когда-то о ста избранных, способных совершить «культурную трансформацию», мечтал Фридрих Ницше, полагая, что культура Возрождения «выросла на плечах такой сотни». «Возможно, – писал философ-поэт, – путем счастливой изобретательности получить типы великих людей... придет новая раса гениев и талантов...» [см.: Черкасов-Корнющенко 2010]. И Эйнштейн, и Фрейд поддержали идею открытого заговора. Но... Последние страницы книги поясняют, почему этот заговор не удался.

Заключительная глава второй части романа озаглавлена «Бомба для беса». Перед приемом у римского папы Иоанна Павла II (Кароля Войтылы) в 1994 г. встречаются двое престарелых ученых, «осчастлививших» мир сначала атомным,

а затем и термоядерным оружием. После приема Эдвард Теллер и Юлий Харитон продолжают свою беседу. Имя первого было хорошо известно в Советском Союзе, так как в 1960–1970-е гг. не было в стране политических обозревателей и публицистов, которые не награждали бы ученого титулом «ястреб холодной войны». О чем же беседуют два злых гения человечества?

Читая диалог Теллера и Харитона, я вспомнил первый послевоенный роман Лиона Фейхтвангера 1946 г. Вернее, не столько сам роман, сколько его название: «Лисы в винограднике». Для этого названия автор использовал текст библейской Песни Песней Соломона: «Ловите нам лисиц и лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете» (Песнь Песней 2:15). В книге писателя-антифашиста лисы и лисенята – это французские просветители Века Просвещения, от Вольтера до Бомарше, которые «подгрызали» королевский виноградник и «догрызли» его до Французской революции. «Лисы в виноградниках» бывают всегда и везде, даже если они кормятся с этих виноградников.

Теллер не снимает с себя «смертного греха немислимой тяжести». Вспоминает Эйнштейна, корившего себя за освобождение «фантомного беса», Силарда, который места себе не находил после сожжения японских городов. Мы можем добавить Роберта Оппенгеймера, руководителя атомного проекта, отказавшегося участвовать в создании водородной бомбы, супругов Розенберг, казненных за шпионаж, того же Клауса Фукса, по наивности передавшего секретные документы в ведомство Лаврентия Берии. Можно вспомнить и летчика, участника бомбардировки Хиросимы, сошедшего с ума в результате раскаяния. В метафорической позиции, предложенной Фейхтвангером, все эти люди – «лисы в винограднике», они – несогласные, неконформисты с проснувшейся совестью, пытающиеся сопротивляться хозяевам виноградника.

Теллер пытается убедить Харитона в той простой истине, что они сделали злодейскую штуку, а Харитон вложил эту штуку в руки главному бесу – Сталину. Но советский физик оправдывается: «Мы защищали социальные достижения... нас вынудили... не будь у нас бомбы, история могла бы пойти другим путем, вероятно, более агрессивным». Видя, что переубедить собеседника очевидными и страшными фактами из истории России прошедшего века нельзя, Теллер говорит ему на прощание: «Вот придет у вас к власти какой-нибудь мрачный безумец. И будет бормотать про радиоактивный пепел. У вас по-другому, как я вижу, не бывает. И будет ему умирать одному грустно и скучно. И возьмет он и шандарахнет по кнопке!» «Этого не будет, – сказал Харитон. – У нас этого не допустят».

Остается задать вопрос: почему среди российских, точнее, советских ученых ни до создания атомной бомбы, ни после создания водородной бомбы, ни после их испытаний не нашлось лисиц в винограднике? Кроме, может быть, Л. Д. Ландау и А. Д. Сахарова, пошедших против течения и пострадавших за это? Что, советский виноградник был хорошо защищен от лисенят? Или эти ученые были такими же доверчивыми, как Ю. Харитон, и верили в защиту великой идеи? Какие же они тогда ученые?! Где их мозги, где их раскрепощенная мысль? Или они, как тот же Ландау, верили в то, что атомная бомба сделала войну бессмысленной? Или все проще – в атомном советском винограднике хорошо кормили и хорошо платили? В любом случае, эти выдающиеся люди потеряли чувство реальности.

Невольно вспоминается хлесткая фраза Джона Стюарта Милля: «Недовольный Сократ лучше довольной свиньи».

«Открытый заговор» Лео Силарда под лозунгом «Вольтеры всех стран, соединяйтесь!» (идея А. В. Кацуры), увы, до сих пор не состоялся. Есть культура Вольтера и есть культура фельдфебелей. Может быть, в демократических странах такой заговор уже не столь актуален, но в России, где тон по-прежнему задают фельдфебели, где лисиц сажают, изгоняют и убивают, а лисенят ловят и заключают в клетки, было бы необходимо единение Вольтеров. Сколько их там осталось?

Эпилог романа таинственен, мистичен. На пустынном берегу собраны несколько великих мудрецов XX в. Им задан вопрос: «Готовы ли бежать мы из тесных, как колодки, пространств и времен? Способны ли постичь высшие смыслы бытия? Или все напрасно?» Ответы мудрецов (А. Эйнштейна, П. Тейяра де Шардена, Г. Федотова) напоминают размышления Эриха Фромма о кошмарах ученого, достигшего, казалось бы, самых вершин мысли.

Отстраненно молчит одиноко сидящий в стороне Лео Силард. И только Александр Блок, с чьих слов начался роман, дает свой завершающий ответ:

А пока – в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

Литература

- Кацура А. В. Наброски к теории чудес. Роман. М. : Радуга, 2007.
- Кацура А. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н. Планетарное человечество. На краю пропасти. М. : Проспект, 2015.
- Кацура А. В. Фантомный бес: Музы и бомбы. Роман-предупреждение. М. : Эксмо, 2020.
- Ключевский В. О. Тетрадь с афоризмами. М. : Эксмо-Пресс, 2001.
- Спенсер Г. Опыты научные, философские и политические. Пг. : Тип. Минькова, 1921.
- Фаулз Дж. Кротовые норы. М. : Махаон, 2003.
- Фромм Э. По ту сторону поработающих нас иллюзий. М. : АСТ, 2010.
- Черкасов-Корнющенко Д. И. Наброски к роману Александра Кацуры // Вестник РФО. 2008. № 1. С. 140–143.
- Черкасов-Корнющенко Д. И. Элитарная концепция пайдеи в философии Фридриха Ницше. М. : Спутник +, 2010.
- Черкасов-Корнющенко Д. И. Метафизический полет над Бездной по великому христианскому Кольцу / А. Кацура // Полет над бездной... М. : Проспект, 2018. С. 219–239.

References

- Kacura A. V. Nabroski k teorii chudes. Roman [Outline of a Theory of Miracles. Novel]. Moscow : Rainbow, 2007.

Kacura A.V., Mazur I. I., Chumakov A. N. Planetarnoje chelovechestvo. Na kraju propasti [Planetary Humanity. On the Edge of the Abyss]. Moscow : Prospect, 2015.

Kacura A.V. Fantomnyj bes: Muzy i bomby. Roman-preduprezhdenije [Phantom Demon: Muses and Bombs. The Novel-Warning]. Moscow : Eksmo, 2020.

Ključevskij V. O. Tetrad' s aforizmami [Notebook with Aphorisms]. Moscow : Eksmo-Press, 2001.

Spencer H. Opyty nauchnyje, filosofskije i političeskije [Essays: Scientific, Political, and Speculative]. Petrograd : Type. Minkova, 1921.

Fowles J. Krotovjye nory [Wormholes]. Moscow : Mahaon, 2003.

Fromm E. Po tu storonu poraboshhajushhij nas illyuzij [Beyond the Chains of Illusion]. Moscow : AST, 2010.

Cherkasov-Kornushhenko D. I. Nabroski k romanu Aleksandra Kacury. [Outline of the Novel by Alexander Katsura] // Bulletin of the Russian Philosophical Society. 2008. No. 1. P. 143.

Cherkasov-Kornushhenko D. I. Elitarnaja koncepcija pajdeji v filosofii Fridriha Nicshe [Payday an Elitist Concept in the Philosophy of Friedrich Nietzsche]. Moscow : Sputnik+, 2010.

Cherkasov-Kornushhenko D. I. Metafizičeskij polet nad Bezdnoj po velikomu hristianskomu Kol'cu [Metaphysical Flight Over the Abyss along the Great Christian Ring] / A. Katsura // Polet nad Bezdnoj [Flight over the Abyss]. Moscow : Prospekt, 2018. Pp. 219–239.